

Я вздохнул с облегчением, но всё равно не мог успокоиться, следя взглядом за маленькой фигуркой. Хозяин внезапно наклонился, прижался к моему уху и прошептал:

— Доверься мне.

Моё ухо словно загорелось. Хозяин никогда раньше не говорил со мной так доверительно, с такой интимной близостью, и в сердце моём зародилось чувство глубокой привязанности.

Я кивнул. Хозяин, казалось, был очень доволен и тихонько рассмеялся.

Мне стало ещё неловче.

Вдруг я почувствовал холодок на затылке. Обернувшись, я увидел, как Небесная императрица смотрит на меня ледяным взглядом, словно ножом разрезая.

Её благообразное, словно у бодхисаттвы, лицо будто расколосось. Она смотрела на меня свысока, с холодным презрением.

Я чувствовал себя невиновным. Откуда эта неприкрытая враждебность со стороны Небесной императрицы? Я ведь никогда не провинился перед ней.

Я тоже без страха посмотрел на неё. Небесная императрица, кажется, разозлилась ещё больше, улыбнувшись мне зловещей, неестественной улыбкой. Эта улыбка была леденящей. Но вдруг она, словно сменив маску, вновь обратила ко мне нежный, сияющий взгляд.

Я был всё больше озадачен. Неужели у этого бога Небесного клана не всё в порядке с головой? Её гнев был ни с того ни с сего, а улыбка — странной.

Я повернулся и увидел, что Хозяин смотрит в сторону Небесной императрицы, но на его лице была загадочная усмешка, а в глазах читалась скрытая угроза.

Неужели я всё выдумал?

Я невольно начал строить догадки. Наверное, из-за противостояния двух армий Небесная императрица хотела сломить волю Сокровенного Императора без боя, запугать его взглядом и подавить морально. Но Хозяин тоже оказался не промах, он был ещё свирепее, поэтому ей пришлось разыгрывать льстивую улыбку, чтобы разрядить обстановку.

На платформе Линсяо два невысоких Бессмертных генерала сошлись в поединке. Изначально обстановка была весьма напряжённой: Третий принц на огненных колёсах носился по всему полю, а его огненное копьё сверкало, словно цветы.

Но Кун-Кун не принимал вызова, а лишь парил в воздухе, и даже когда копьё достигало его, он рассыпался на снежинки, чтобы затем вновь собраться.

Так эти два Бессмертных генерала на платформе Линсяо и гонялись друг за другом, точно дети в догонялки.

Третий принц от злости готов был подпрыгнуть до небес, а зрители внизу лишь наслаждались зрелищем.

— Трус! Если не хочешь сражаться лицом к лицу, почему бы просто не сдаться? Что это за манера — носиться по площадке? — выкрикнул он.

Коричневые глаза Кун-Кун стали серовато-белыми, словно туман, сплетающийся с облаками. Его телосложение было детским, но голос звучал так, будто прошёл через вечность, — холодно и отстранённо.

— В сражении двух армий важны и нападение, и оборона. Если ты бьёшь, а я не убегаю, значит, у меня не всё в порядке с головой.

Кун-Кун легкомысленно закатил глаза. Третий принц в ярости вытаращил глаза, волосы его встали дыбом, и он, не раздумывая, бросился на Кун-Кун.

Этот удар Третьего принца был собран из десятикратной силы, ветер и гром окутали платформу Линсяо. От такой сокрушительной атаки даже Кун-Кун не смог бы увернуться.

Моё сердце замерло. На этот раз Кун-Кун некуда было бежать.

Но вдруг белый туман окутал платформу Линсяо. Третий принц с быстротой молнии ворвался в густую пелену. Я смутно разглядел, как Кун-Кун, с его худым лицом, скривился в странной улыбке.

Боги по обе стороны вытянули шеи, но непроглядный туман скрывал обзор. Послышался лишь треск и грохот, а когда туман рассеялся, оба Бессмертных генерата одновременно слетели с платформы Линсяо.

Небесный Император был не в духе.

— Оба упали одновременно. Первый бой — ничья.

Лицо Третьего принца стало багровым, словно помидор, прибитый морозом. Он сторал от стыда и ярости, не отрывая взгляда от Кун-Кун. Но Кун-Кун, не глядя на него, прошёл мимо и молча встал за спиной Сокровенного Императора.

Третий принц, Небесный царь Ли с пагодой, увидев поражение сына, задышал огнём, раздувая усы, и сам вызвался на бой, желая смыть позор.

Бессмертный Фэй Юй усмехнулся:

— Небесный дворец что, теперь носит фамилию Ли? Неужели среди всех собравшихся богов больше не нашлось достойных? Выступают одни лишь отец и сын Ли.

Вероятно, дерзкая манера Фэй Юя разозлила Небесного Императора. Тот с улыбкой, скрывающей нож, спросил:

— Бессмертный Фэй Юй, судя по всему, обладает выдающимся мастерством. Не соблаговолите ли выйти на платформу и преподать урок моим скромным генералам?

Фэй Юй, словно летящий лебедь среди снега, лёгким движением ступил на платформу.

— Тогда я не буду церемониться.

Такая высокомерная манера возмутила многих богов, и те наперебой стали вызываться на бой. Но Небесный Император лишь махнул рукой и выдвинул хрупкую, изящную женщину.

Фея Чанъэ!

Её одежды развевались, на лице застыла печаль. Она шла медленно, словно пушинка ивы на ветру, стояла стройно, точно лотос в воде.

Боги горы Куньлунь покатывались со смеху.

— Небесный дворец выставил женщину! Мы же здесь сражаемся, а не танцуем. Фея Чанъэ — первая танцовщица Небесного дворца, но на платформе Линсяо ей негде применить своё искусство.

Остальные боги тоже поддакивали. Я тоже нахмурился, не понимая. Хозяин же безучастно произнёс:

— Внешность обманчива.

Фэй Юй, полный изящества, лёгким движением помахивал веером. Он вежливо поклонился красавице и мягко, словно вода, промолвил:

— Фея, простите за дерзость. Вы — первая красавица Небесного клана. Подобные жестокие схватки могут омрачить ваш образ.

Фея Чанъэ тоже сделала изящный поклон и тихо ответила:

— Господин, не стоит меня недооценивать.

С этими словами она достала из-за пазухи ивовую флейту. Звуки её были певучими и нежными.

Сначала божественные чиновники внизу лишь смеялись и подначивали:

— Мы пришли наблюдать за поединком, а не слушать, как ты играешь и поёшь!

Но постепенно их голоса стихли. Чистый, эфемерный звук флейты Феи Чанъэ, словно крючок, зацепил души всех богов. Их глаза помутнели, выражения лиц стали разными: те, чья сила была невелика, кто-то безумно смеялся, кто-то горько рыдал, словно провалившись в давний, туманный сон, из которого не могли выбраться.

Сокровенный Император же сохранял спокойствие, да и я тоже не испытывал никаких изменений.

Фэй Юй находился в центре звукового поля, поэтому влияние флейты на него было глубже. К этому моменту он уже потерял весь свой лоск, его лицо исказилось от страданий и раскаяния, тело бессильно рухнуло на платформу Линсяо, а губы бормотали:

— Я был неправ, А Лю... прости меня.

Услышав имя «А Лю», я заметил, как в глазах Кун-Кун, стоявшего рядом, мелькнула боль.

Когда мелодия закончилась, Фея Чанъэ перестала играть на флейте. Она материализовала старинную цитру и, ловко перебирая струны тонкими пальцами, заиграла древнюю мелодию, наполненную глубоким смыслом, от которой слушателям хотелось отречься от мирской суеты и вознестись к бессмертию.

Фея Чанъэ, казалось, могла заглянуть в самое сердце Фэй Юя. Она медленно приоткрыла алые губы:

— Фэй Юй, будешь ли ты любить меня вечно?

Фэй Юй, словно в бреду, ответил:

— Буду.

Фея Чанъэ, мягко подталкивая, спросила:

— А я красива?

— Красива!

Голос Феи Чанъэ долетал, словно с края небес, прерывистый и неуловимый:

— Тогда... ты готов умереть за меня?

Фэй Юй по-прежнему выглядел так, будто пребывал в грёзах. Твёрдо произнёс:

— Готов.

Фея Чанъэ ледяным, бесстрастным тоном приказала:

— Тогда умри!

Фэй Юй с застывшим выражением лица, словно марионетка, действительно поднял свой меч и направил его к собственной шее.

Я уже собирался крикнуть имя Фэй Юя, как вдруг Кун-Кун закашлялся так сильно, что, казалось, вот-вот выкашляет лёгкие. Фэй Юй мгновенно очнулся от сна. Он убрал меч и по-прежнему с улыбкой произнёс:

— Я готов умереть за фею, лишь бы фея запомнила мой облик.

Едва он договорил, как с его виска сорвался прозрачный шлейф, и он в мгновение ока переместился к Фее Чанъэ.

Как только эта тончайшая вуаль упала, прекрасное лицо Фэй Юя мгновенно сморщилось, как куриная кожа, поседело, покрылось чёрными пятнами, кости выступили наружу, и он стал похож на дряхлого старика из мира смертных, стоящего на пороге смерти.

Эта сцена повергла Фею Чанъэ в шок. Костлявая, иссохшая рука Фэй Юя резко схватила её. Фея Чанъэ, ошеломлённая, не успела среагировать, как Фэй Юй, ухватив её, стащил с платформы.

Лицо Небесного Императора стало ещё мрачнее. Нехотя он объявил:

— Второй раунд — ничья!

Я наконец понял: звуки флейты и цитры, что играла Фея Чанъэ, могли очаровывать сердца слушателей, погружая их в воспоминания прошлого: кто-то не мог вынести страданий, кто-то погружался в сон, не в силах проснуться, а кто-то, под контролем заклинателя, совершал действия, причиняющие вред себе. Это было сродни тому, как морские sireны своими песнями очаровывают моряков.

Однако состояние Фэй Юя вызвало у меня любопытство. Раньше, видя, как его глаза подобны туманным волнам, сквозь которые едва пробивается свет облаков, я думал, что он от природы обладает такими пустыми, туманными глазами. Оказывается, он носил на глазах прозрачную

вуаль, которая сливалась с цветом кожи, и её было трудно заметить.

Я с любопытством посмотрел на Фэй Юя. Надев вуаль, он вновь обрёл прекрасный облик. Заметив мой взгляд, он лукаво подмигнул мне. У меня на душе стало как-то не по себе — я не мог забыть его сморщенный, как кора дерева, вид.

Сокровенный Император спокойно выдохнул два слова:

— Проклятие.

А?

Я уже собирался расспросить подробнее, как Небесный дворец, не теряя времени, выдвинул третьего Бессмертного генерала для боя.

Этот Бессмертный генерал был невероятно огромен — девяносто девять чжанов в высоту. В руках он сжимал украшенный топор, а когда шёл босиком, земля содрогалась, а горы дрожали. Его грудь была обнажена, покрыта густыми волосами, лицо сине-чёрное, лоб выдавался вперёд — вид был отвратительный и уродливый.

<http://bllate.org/book/15420/1372340>